

Федор Ладыгин

СОКРАЩЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ВООРУЖЕНИЙ: ИСТОРИЯ И УРОКИ ПЕРВОГО ДОГОВОРА

Договор о сокращении наступательных вооружений (СНВ-1) — это следствие принципиально важного решения правительств СССР и США, принятого на советско-американской встрече в 1986 г. в Рейкьявике (Исландия), продолжить и развить курс, начатый в 1969 г., на ограничение и сокращение СНВ двух ядерных сверхдержав того времени.

ПРЕДДВЕРИЕ

Первые советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений завершились подписанием в 1972 г. Договора по противоракетной обороне (Договор по ПРО) и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Временное соглашение ограничивало СНВ каждой стороны тем числом, которое они имели на дату подписания. Только через семь лет взамен этого соглашения в 1979 г. был подписан Договор ОСВ-2, которым были введены некоторые количественные ограничения, в частности по общему количеству развернутых стратегических носителей — пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования (ПУ МБР) и МБР на них, ПУ баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и БРПЛ на них и тяжелых бомбардировщиков — не более 2400 единиц, из них не более 1320 ПУ МБР. И хотя Договор ОСВ-2 не был официально принят сторонами, тем не менее и Москва, и Вашингтон условия нератифицированного договора соблюдали вплоть до заключения через 13 лет Договора СНВ-1.

В конце 1980-х гг. СССР и США имели примерно равное количество стратегических наступательных вооружений: ПУ МБР и МБР на них, ПУ БРПЛ и БРПЛ на них и тяжелых (межконтинентальной дальности) бомбардировщиков — СССР — 2500, США — 2246 и соответственно 10 271 и 10 563 ядерных зарядов на них¹.

Как видно, СССР и США действительно имели стратегический паритет. Мы, наша страна, догнали, а в кое в чем и обошли Соединенные Штаты на количественном и качественном уровнях стратегического ядерного потенциала.

Две ядерные сверхдержавы — СССР и США — понимали, что в ядерных потенциалах они превосходили все разумные пределы (обеспечивающие при этом ядерное сдерживание): по различным подсчетам мы могли уничтожить один другого 6–8 раз, не остались бы в стороне и союзники супердержав, а опосредованно и другие страны мира.

С
Т
Р
А
Н
И
Ц
Ы
И
С
Т
О
Р
И
И

Оба государства — и СССР, и США — трудно подошли к пониманию того, что дальше близкая к безумству вакханалия ядерной гонки продолжаться не может. Кстати, в США наконец-то поняли и другое: на пути гонки ядерных вооружений не добиться не только неоспоримого превосходства, но и не удастся загнать советскую экономику, а следовательно, и Советский Союз, в экономический коллапс: ведь даже в самих США затраты на стратегические ядерные силы не превышали 1/10–1/15 части всего военного бюджета даже в годы самого интенсивного наращивания СНВ.

Для читателей *Индекса Безопасности* нет необходимости подробно излагать содержание Договора СНВ-1 — он излишне велик не только по количеству страниц, но и по своему содержанию, детализации. Полагаю, что читатели в большей или меньшей мере знают Договор СНВ-1, а если заинтересуются, то смогут обратиться к тексту самого договора, поэтому считаю допустимым и возможным поделиться с читателями некоторыми неизвестными (далеко не всеми) широкому кругу зарисовками непосредственного участника выработки Договора СНВ и связанными с ним, договором, личными размышлениями.

К моменту моего подключения в июне 1990 г. (назначен начальником Договорно-правового управления (ДПУ) Генерального штаба ВС СССР) к проблеме контроля над вооружениями, в том числе над стратегическими наступательными, по будущему Договору СНВ-1 была проделана большая, возможно самая сложная, работа. Начиная с рейкьявикской встречи в верхах М. Горбачева и Р. Рейгана были определены главные параметры нового договора, что, понятно, было очень непросто. В основу будущего соглашения и договоренностей был положен исключительно важный принцип — принцип равной безопасности сторон, т. е. сохранение в целом в количественном и качественном отношении ядерного равновесия СССР и США. Это просто провозгласить, но реализовать очень сложно.

АСИММЕТРИЯ И РАВНОВЕСИЕ

В 1980-е гг. СССР и США, имея стратегического ядерное равновесие, обеспечили это равновесие асимметричными по своему составу стратегическими ядерными силами (СЯС). Основу наших СЯС составляли МБР наземного базирования, морские СЯС (Баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ)) уступали МБР и в количественном, и в качественном отношении, авиационные СЯС (ТБ Ту-160 и Ту-95МС) еще более существенно уступали первым двум компонентам.

Компоненты триады американских СЯС были более, скажем так, равнозначными: США имели перед нами неоспоримое превосходство в стратегической бомбардировочной авиации, их преимущество в морских СЯС (силы БРПЛ) перед нашей стороной также было весьма существенно. Но американцы значительно уступали нам в силах МБР. Кроме того, сложность поиска компромисса заключалась в том, что если США имели 2–3 системы МБР, причем все шахтного базирования, то мы — большее количество ракетных систем шахтного, железнодорожного и подвижно-грунтового способа базирования. Следствием асимметрии советских и американских СЯС стало то, что согласованные в 1986–1989 гг. основные количественные ограничения СНВ, де-юре в равной степени относящиеся к обоим участникам договора, де-факто в большей мере затрагивали интересы той или иной стороны, но прежде всего Советского Союза. Именно это обстоятельство до самого последнего времени было главным объектом критики со стороны отечественных ниспровергателей Договора СНВ-1.

Для упрощения понимания нижеприводимых размышлений, связанных с моим личным участием в процессе контроля над СНВ, без дополнительного обращения к Договору СНВ-1 и справочным материалам по нему, приведу лишь некоторые общие категории, понятия и количественные параметры договора.

К числу ограничиваемых Договором СНВ-1 относились: развернутые ПУ (стационарные шахтные ПУ, ПУ боевых железнодорожных ракетных комплексов — БЖРК, ПУ подвижных грунтовых ракетных комплексов ПГРК) и МБР на них; развернутые пусковые установки ПЛАРБ и БРПЛ на них; тяжелые бомбардировщики — носители ядерных авиабомб и/или крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) на них. Общее количество таких СНВ ограничивалось 1600 единицами. В соответствии с рейкьявикской договоренностью устанавливались ограничения на тяжелые МБР — 154 ПУ.

Существенно важной и значимой договоренностью в Рейкьявике, реализованной в Договоре СНВ-1, было сокращение вдвое общего количества ядерных боеголовок на стратегических носителях: примерно с 12000 боеголовок (БГ) у каждой стороны на момент подписания договора до 6000 БГ. Важным было также ограничение количества БГ на различных классах носителей²: не более 4900 БГ суммарно для БРПЛ и МБР, из них не более 1540 БГ на тяжелых МБР и не более 1100 БГ на МБР подвижных ракетных комплексов. Иными словами, по Договору СНВ-1 каждая сторона из общего числа 6000 разрешенных договором ядерных БГ могла иметь на тяжелых бомбардировщиках от 0 до 6000 БГ, на БРПЛ — от 0 до 4900 БГ, на МБР — от 0 до 3000 БГ. Подсчет общего количества ядерных БГ производился по согласованным на переговорах так называемым *правилам засчета*. Для МБР и БРПЛ количество БГ засчитывалось по заявленному стороной числу, проверяемому по летным испытаниям и инспекциям, причем для каждого типа МБР и БРПЛ количество боеголовок было фиксировано по максимальной величине (если не было замены платформы головной части (ГЧ) для установки БГ). Для тяжелых бомбардировщиков — носителей КРВБ согласованное число засчитываемых БГ на каждом бомбардировщике для обеих сторон составляло 10 единиц, для ТБ, вооруженных ядерными авиабомбами (АБ), — одна боеголовка независимо от реального числа ядерных боеприпасов — КРВБ или АБ — на тяжелом бомбардировщике.

К категории качественных ограничений в первую очередь относились те, которые касались забрасываемого веса МБР и БРПЛ. Для него устанавливалась суммарная величина забрасываемого веса МБР и БРПЛ, не превышающая 3600 тонн. При этом для всех МБР и БРПЛ одного типа независимо от модификации принималось единое значение забрасываемого веса — по его максимальной величине, показанной в ходе пусков. Если, например, для одного типа БРПЛ создавалась новая модификация с повышенным значением забрасываемого веса, то для всех БРПЛ этого типа, в том числе немодифицированных, устанавливалось новое значение забрасываемого веса. Это, конечно, упрощало верификацию договорных обязательств. В качестве другого существенного качественного ограничения по Договору СНВ-1 было ограничение в период действия договора на создание каждой из сторон не более одного нового типа МБР и одного нового типа БРПЛ. Выработка критериев нового типа потребовала от переговорщиков всех уровней много сил и энергии.

Одним из важных элементов системы верификации качественных ограничений был обмен телеметрическими данными при испытательных пусках ракет и запрет на кодирование телеметрической информации при определенном числе пусков ракет. Помимо этого договор предусматривал другие элементы навязанной американцами системы верификации, включая контроль объектов СНВ инспекционными группами, постоянное инспектирование производственных комплексов (на выходе выпускаемой продукции — контроль по длине контейнеров) в Воткинске (СССР, РФ) и Магне (США).

Договор СНВ-1 в целом — это одно из самых детально проработанных (безусловно, излишне) международных соглашений в области контроля над вооружениями — таковы были внешние и внутренние условия, вернее таково было воздействие внешних и внутренних сил на переговорщиков. Одни готовили позицию на переговоры, кто в Москве, кто в Вашингтоне; в Женеве делегации вырабатывали этот договор общим объемом (вместе с прилагаемыми к нему в качестве неотъем-

лемой части протоколами и заявлениями сторон) свыше 700 страниц, другие в острых дискуссиях с противоположной стороной находили взаимоприемлемые договоренности при самых, казалось бы, диаметрально противоположных, первоначально, взглядах на проблему.

КРЫЛАТЫЕ РАКЕТЫ БОЛЬШОЙ ДАЛЬНОСТИ

По каждому отдельному положению договора были острые дискуссии, работа экспертов в Москве и Вашингтоне и, разумеется, делегаций в Женеве. Коротко расскажу о некоторых из них. Одной из наиболее сложной оказалась *проблема крылатых ракет большой дальности (КРБД)*. Американцы (точнее, Пентагон) еще летом 1972 г., сразу после подписания соглашения ОСВ-1, увидели в этих средствах возможность для неконтролируемого международными соглашениями наращивания стратегического ядерного потенциала. Руководствуясь этим же замыслом, они исключили крылатые ракеты из стратегических средств и во владивостокской договоренности 1974 г., и Договора ОСВ-2 1979 г.

Той же линии американцы пытались придерживаться и в ходе подготовки (во всяком случае на начальном этапе) Договора СНВ-1. Не исключено, что они воспользовались и тем, что на встречах М. Горбачев–Р. Рейган, в том числе в Рейкьявике, проблеме КРБД со стороны высшего государственного руководства должного внимания уделено не было. В последующем потребовалось длительное время, чтобы американские КРБД воздушного (и морского базирования) не оставались для американцев *священной коровой*. Ко времени моего прихода в ДПУ эта проблема уже рассматривалась, обозначились определенные подвижки, но она была в определенной мере решена лишь к концу 1990 г. — началу 1991 г.

По КРВБ было согласованно определение (на основе компромисса, «беспилотный боевой летательный аппарат с ядерным боезарядом и дальностью действий 600 км и более») и другие положения, снимающие в определенной мере наши озабоченности. В декабре 1990 г. в Хьюстоне усилиями в основном военной части советской делегации нам удалось несколько нивелировать правило засчета числа боезарядов на ТБ-носителях КРВБ, хотя оно все же сохраняло проамериканский уклон. Там же, в Хьюстоне, обозначилось решение, а затем в Вашингтоне, Москве на группах высокого уровня и в Женеве были окончательно согласованы (по настоятельной инициативе американской стороны) технологические процедуры, подлежащие контролю, переоборудования ТБ В-1В в качестве носителей неядерных средств, исключающих их использование как носителей ядерных КРВБ без заводского переоборудования³.

Значительно тяжелее рассматривался вопрос о ядерных крылатых ракетах морского базирования (КРМБ) военно-морских сил (ВМС) США. Это непростой вопрос. Помимо ядерных КРМБ американцы имели их (широко применяли и применяют в авиационно-ракетных ударах по объектам на территории Югославии, Ирака, Афганистана и др.) в обычном снаряжении (дальностью до 1500 км), а также противокорабельные КРМБ (дальностью — около 500 км). Все три вида КРМБ в значительной мере имеют унифицированную по внешним признакам конструкцию (исключая боевую часть), они находятся на вооружении надводных кораблей и подводных лодок одних и тех же типов, запуск их осуществляется из унифицированных ПУ и типовых торпедных аппаратов.

Но нас в рамках Договора СНВ интересовали не сложности в различении ядерных и обычных КРМБ, а тот ядерный стратегический потенциал, которым обладали КРМБ и который, конечно же, прежде всего был направлен против нашей страны, а не против, например, Брунея в Юго-Восточной Азии. Нам, конечно, были известны реальное количество и планы США по программе КРМБ, и мы не могли оставить без внимания столь значимый, особенно в условиях предстоящего сокращения СНВ, стратегический ядерный потенциал.

В результате длительных дискуссий нашей стороне удалось добиться от США признания такой проблемы и наших озабоченностей в связи с этим, хотя они не пошли на охват Договором СНВ КРБД морского базирования. Для ядерных КРМБ было принято определение, аналогичное определению ядерных КРВБ. Был найден компромисс (если это можно так назвать), аналогичный тому, что и в отношении наших Ту-22М3 (300 ед.), хотя по своей сути эти ТБ и КРМБ и с военной, и с договорно-юридической точек зрения — принципиально различные средства вооруженной борьбы. Без распространения на КРМБ условий Договора СНВ на эти ракеты согласованным заявлением сторон было наложено ограничение — не более 880 единиц. Надо сказать, что уже в сентябре 1991 г. американцы на джентльменских условиях, рассчитывая на ответные встречные шаги СССР по снижению ядерного противостояния, взяли на себя обязательство снять с боевых кораблей и подводных лодок все ядерные КРМБ и складировать их на центральных, удаленных от баз ВМС США центральных базах хранения.

Нынешний, новый пражский Договор СНВ КРБД воздушного и морского базирования фактически не затрагивает, не ограничивает и не сокращает. Следует ли нашу делегацию и всех тех, кто причастен к разработке так называемого пражского нового договора СНВ особо упрекать за это. Не думаю, ведь американцы размышляют над переоснащением хотя бы части стратегических наступательных вооружений в традиционном их понимании высокоточными обычными БГ вместо ядерных. С учетом этого, помимо сохраняющихся у США возможностей наращивания сил ядерного удара за счет так называемого возвратного потенциала БРПЛ и ТБ, укорять наших участников выработки нового договора СНВ о неучете КРМБ, мне кажется, не следует.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ДОГОВОРА ПО ПРО И КОНТРОЛЯ НАД СНВ

Важнейшими достижениями СССР и США в рамках двустороннего контроля над стратегическими вооружениями первого этапа (1969–1972 гг.), как известно, было установление неразрывной взаимосвязи на ограничение и сокращение СНВ и одновременный отказ от создания широкомасштабной ПРО собственных территорий обеими сторонами. Последнее было закреплено Договором по ПРО 1972 г. и дополнено протоколами к нему 1974 г.

На первых порах обе стороны строго придерживались такого принципиального подхода. Однако вскоре после прихода в Белый дом президента Р. Рейгана позиция США стала резко меняться. В 1983 г. администрация Р. Рейгана объявила о запуске программы создания по существу глобальной системы ПРО в рамках *Стратегической оборонной инициативы*. С тех пор минуло более 30 лет, но глобальной системы ПРО у США пока нет.

Но в расчете устранить все преграды на пути создания системы ПРО Соединенные Штаты еще до встречи М. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике заняли по существу обструкционистскую позицию в отношении Договора по ПРО и неразрывной увязки с ним будущего договора об ограничении и сокращении СНВ. На первых порах под воздействием активной позиции Министерства обороны СССР М. Горбачев пытался отстаивать линию на соблюдение сторонами Договора по ПРО 1972 г. в его изначальной интерпретации. Разумного компромисса, удовлетворяющего СССР, достигнуто не было; США продолжали свою линию — расчистить дорогу для создания территориальной ПРО.

В дальнейшем в ходе активной работы над договором по СНВ американцы, несмотря на все наши настойчивые попытки (но уже без участия высшего руководства страны, которое как бы самоустранилось от решения этого вопроса), попросту уклонялись от обсуждения вопроса взаимосвязи Договора по ПРО и Договора СНВ-1, как бы откладывая его на потом. В последующем пытались отвести его: дескать, Договор по ПРО существует независимо от сокращения СНВ, и наоборот. Советские дипломаты и военные упорно отстаивали позицию нашей страны.

Длительная и настойчивая борьба двух противоположных подходов — нашего и американского — завершилась лишь к весне 1991 г. В Женеве в ходе неоднократных встреч групп высокого уровня (главы — А. А. Обухов, Р. Бартоломью) была достигнута договоренность (согласованная со столицами) о том, что наша позиция фиксируется в тексте договора в виде отдельного заявления нашей стороны. В юридическом отношении такой формат все же означал признание Соединенными Штатами договорной правомерности заявления нашей стороны.

В последующем в ходе переговоров по СНВ американская сторона пыталась *подмыть* Договор по ПРО нашим согласием на создание ограниченной противоракетной обороны, способной перехватить 100–200, но не более 300 боеголовок, что якобы не означало подрыв ни Договора по ПРО, ни Договора по СНВ-1.

Подключить нашу страну к *похоронам* Договора по ПРО Соединенным Штатам не удалось ни в начале 1990-х гг., ни в последующие годы последнего десятилетия прошлого века. И тогда команда Дж. Буша-младшего в начале нового столетия завершила то, к чему его предшественники стремились в предыдущие 15–20 лет: отправила в Лету договор по ПРО в одностороннем порядке.

Тем, кто критикует новый (пражский) Договор СНВ из-за отсутствия в нем четких обязательств о ПРО, не следует забывать, что *создание таковой территориальной ПРО — вожделенная цель США*, и никакие администрации — ни демократические, ни республиканские — *никогда* не откажутся от продвижения к этой цели.

Поэтому всякие попытки России вести речь о совместном с США создании ПРО бесперспективны: Соединенные Штаты *никогда* не пойдут на то, чтобы с Россией как с равноправным партнером делиться высокими технологиями, тем более в области средств вооруженной борьбы. Наше подключение к совместной ПРО может ограничиться в лучшем случае получением США от России некоторых необходимых для Соединенных Штатов технологий, а если это не удастся, то дискуссиями на разных уровнях в качестве *дымовой завесы*.

ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПОДВИЖНЫХ РАКЕТНЫХ КОМПЛЕКСОВ, СОКРАЩЕНИИ ТЯЖЕЛЫХ МБР, ТЕЛЕМЕТРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ПО ДОГОВОРУ СНВ

В последнее десятилетие, особенно в 2009–2010 гг., в связи с подготовкой пражского Договора СНВ в российских средствах массовой информации появилось достаточно много критических публикаций, авторы которых имеют весьма поверхностное представление о рассматриваемой тематике, в частности в отношении Договора СНВ-1. Лично мне понятна критика этого договора, излагаемая уважаемыми мной знатоками и непосредственными участниками процесса контроля над стратегическими наступательными вооружениями.

Иное дело, когда ничтоже сумняшеся берутся безапелляционно судить о чем-то, в частности о Договоре СНВ-1, люди, весьма далекие и от самого предмета рассмотрения, и от процесса его разработки. Не собираясь вступать в полемику с ними, а тем более выступать в качества адепта договора, остановлюсь на некоторых, на мой взгляд, важных его элементах и ходе выработки решений по ним. При этом по понятным, надеюсь, соображениям не буду называть фамилий доморощенных критиков и тех, кто принимал участие в выработке решений (но уже по другим соображениям).

ПОДВИЖНЫЕ РАКЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Наша страна имела в составе ракетных войск стратегического назначения (РВСН) подвижные ракетные комплексы двух типов: железнодорожный — БЖРК и грунтовой — ПГРК. По Договору СНВ-1 они ограничивались установленным уровнем общего количества боеголовок на них — 1100 единиц. За все время моей работы

по Договору СНВ-1 в качестве начальника ДПУ ни от одного представителя ракетного управления Главного оперативного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ — центрального аппарата РВСН — не было ни одного критического замечания в отношении количественных ограничений на подвижные ракетные комплексы.

Задолго до завершения срока действия Договора СНВ-1 железнодорожный ракетный комплекс был снят с вооружения, выведен из боевого состава РВСН и утилизирован. Подвижной ракетный комплекс⁴ с МБР *Тополь* и *Тополь-М* с моноблочными головными частями на период действия Договора составлял меньшую часть в общем количестве боеголовок в 100 единиц.

Существенной критике подвергался факт установления контроля БЖРК и ПГРК в местах постоянной дислокации национальными техническими средствами США, для чего требовалось временное выставление ПУ для наблюдения за космическими средствами. По мнению критиков это сводило на нет неуязвимость подвижных комплексов, обеспечивавшихся именно их мобильностью.

ПГРК или БЖРК не могут постоянно находиться в *броуновском движении*, быть сухопутным *летучим голландцем*. Большую часть времени они находились в стационарных местах — БЖРК на запасных путях, ПГРК в стационарных укрытиях. При существующих возможностях средств разведки определить большую часть стационарных мест несения боевого дежурства подвижными ракетными комплексами не представляет неразрешимую проблему. Полагаю, что в том числе этими соображениями руководствовались ракетчики РВСН, Генштаба, разработчики комплекса, когда давали согласие на выставление комплексов для контроля. Вряд ли офицеры и генералы, в том числе высшие руководители главнокомандования РВСН меньше беспокоились о безопасности своей страны, чем критиканствующие околоракетные доктора наук.

И в ходе переговоров, и позднее многие противники Договора СНВ критиковали его за то, что СССР неадекватно по сравнению с США ликвидировали половину *тяжелых МБР*. Но если допустить, что мы имели бы право сохранить по Договору СНВ-1 все имеющиеся у нас 308 шахтных пусковых установок (ШПУ) и мы сохранили бы их, ликвидировав, например, все МБР *Тополь* или ТБ Ту-95МС, Ту-160, с чем бы Россия осталась сегодня? А если бы мы имели право сохранить все 2500 единиц СНВ, что имели на момент подписания Договора СНВ-1, то могли бы мы сохранить их сегодня и чего бы это стоило? Во имя этой абсурдной идеи нам нужно было бы по существу низвести все другие виды вооруженных сил.

ТЕЛЕМЕТРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

В Договоре СНВ-1 содержались положения, касающиеся телеметрической информации, передаваемой с борта стратегических баллистических ракет при испытательных пусках. В частности стороны не кодировали телеметрическую информацию, а также обменивались записями телеметрических данных при определенном количестве пусков ракет. Эти положения были согласованы по настойчивому предложению американской стороны, имели равную силу для обеих сторон и преследовали цель контроля соблюдения сторонами качественных ограничений на СНВ, в частности на заявленный сторонами забрасываемый вес МБР и БРПЛ, и контроля его предельного суммарного уровня (3600 тонн), а также определение нового типа МБР или БРПЛ. Так во всяком случае понимали эти положения договора разработчики и с нашей стороны, и с американской.

Это положение было согласовано со всеми заинтересованными ведомствами: с Военно-промышленной комиссией при Совете министров СССР, главными конструкторами ракетной техники — создателями ракетно-ядерного щита, главными командованиями РВСН и ВМФ, их ведущими научно-исследовательскими институтами, другими крупными участниками процесса контроля над стратегическими

вооружениями. Теперь же находятся критики, по существу обвиняющие разработчиков Договора СНВ-1 в пособничестве американцам при создании средств американской ПРО. Тех ведущих, высочайших профессионалов в области ракетной техники подобного рода критики по существу представляют либо несмышлениками, либо предателями интересов нашей страны? Надо же знать меру!

НОВЫЙ ТИП МБР

Договор СНВ-1 разрешал каждой стороне иметь (создавать в период действия договора) по одному новому типу МБР и БРПЛ. Американская сторона выступила инициатором определения нового типа. При этом особую остроту этот вопрос приобрел применительно к новому типу МБР. Что касается БРПЛ, здесь проблем не было по вполне понятным причинам: ШПУ ПЛАРБ имеют вполне определенные габариты, поэтому они являются ограничителями при создании нового типа БЛПЛ для ПЛАРБ существующих типов.

В основу определения нового типа МБР было принято фиксируемое отличие новой МБР от своего прототипа по габаритам (длине и диаметру) первой ступени и забрасываемому весу ракеты. О габаритах первой ступени новой МБР довольно быстро была достигнута договоренность. Наиболее острые дискуссии шли вокруг определения нового типа по забрасываемому весу. С самого начала в качестве пороговой величины американцы предложили не менее 30-процентное увеличение забрасываемого веса МБР нового типа по сравнению с ее предшественником-прототипом. Наша позиция в ходе переговоров изменялась от 5 до 15% увеличения забрасываемого веса. К согласованной величине — 21,5% — стороны пришли только к состоявшейся 17 июня 1991 г. встрече в Лондоне президентов СССР и США М. Горбачева и Дж. Буша.

Это лишь часть сложнейших вопросов, которые пришлось согласовывать Москве и Вашингтону при выработке Договора СНВ-1.

ИЮНЬСКАЯ ВСТРЕЧА 1991 г. ГЛАВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЕДОМСТВ СССР И США В ВАШИНГТОНЕ

Выработка Договора СНВ-1, как известно, проходила весьма сложно. Основными причинами тому являлись сам предмет переговоров: ограничение и *сокращение вдвое стратегических наступательных вооружений*, асимметричных по своему составу для каждой из сторон; чрезмерная детализация выработавшихся обязательств; негативное влияние принципа «доверяй, но проверяй», возведенная нашими партнерами по переговорам в фетиш. Кроме того, на ходе переговоров отрицательно сказывалось и то обстоятельство, что всякий раз руководство СССР выступало инициатором в установлении сроков подписания договоров. Так было с Договором об обычных вооруженных силах в Европе 19 ноября 1990 г. в Париже, так было и с Договором СНВ-1 — 31 июля 1991 г. в Москве. Наша страна становилась заложником собственных инициатив. Партнеры по переговорам плохо идут на уступки, говоря «за срыв сроков подписания договора будете отвечать вы». Это приходилось слышать и в Женеве, и в Москве, и в Вашингтоне.

По Договору СНВ-1 велись крайне напряженные переговоры советской и американской делегациями не только в Женеве, но и при проведении частых двусторонних встреч групп высокого уровня, возглавляемых заместителями глав внешнеполитических ведомств сторон (с американской — Р. Бартоломью, с советской — сначала В. Карпов, затем А. Обухов) в Вашингтоне, Москве и Женеве.

Несмотря на такую интенсивность переговоров к началу июня 1991 г., т.е. менее чем за два месяца до советско-американского саммита в Москве, было согласовано не более 50–60% важнейших вопросов будущего договора.

В этих условиях высшими руководителями двух стран (вероятнее всего, по инициативе М. Горбачева) принимается решение поручить решение пока еще несогласованных вопросов группами *особо высокого уровня*. Задача — согласовать все вопросы на встрече. В состав советской группы вошли министр иностранных дел А. А. Бессмертных (глава), начальник Генерального штаба генерал армии М. А. Моисеев, заместитель председателя Военно-промышленной комиссии при Совете министров СССР Ю. П. Мацак, заместитель министра иностранных дел А. А. Обухов, начальник ДПУ ГШ генерал-лейтенант Ф. И. Ладыгин, высокопоставленные лица других ведомств. С американской стороны — Дж. Бейкер, Р. Бартоломью, Дж. Шаликашвали, другие лица из соответствующих структур. Дж. Бейкер во время коротких перерывов многочасовых переговоров регулярно проводил селекторные совещания с президентом Дж. Бушем, министром обороны Д. Чейни, председателем Комитета начальников штабов вооруженных сил Колином Пауэллом, советником президента США по безопасности генералом Б. Скоукрофтом. Наша делегация обменивалась мнениями и принимала решения самостоятельно, без консультаций с Москвой.

В результате очень напряженных двухдневных переговоров в середине июня 1991 г. удалось решить практически все оставшиеся несогласованные вопросы (американская сторона к моменту нашего отлета из Вашингтона подготовила добротную запись результатов согласования), за исключением одного — по новому типу МБР.

По вопросу определения МБР нового типа по величине забрасываемого веса американцы добивались того, чтобы поставить преграду разрабатывавшейся у нас МБР (*Тополь-М*). Тогда в Вашингтоне Дж. Бейкер сказал нам, что он якобы видел в кабинете М. С. Горбачева незакрытую схему этой ракеты с тремя БГ. И они стремились загнать нас на недостижимую (для *Тополя-М*) величину забрасываемого веса — на 25% больше (первоначально было 30%), чем у ракеты-предшественницы (*Тополь*). При этом в бескомпромиссной форме они поставили условие, чтобы такой забрасываемый вес был показан при стрельбе на дальность 11 000 км (вместо уже согласованной для всех других МБР стандартной дальности 10 000 км). После длительных обсуждений наша группа пошла на величину 20%, с чем согласились наши промышленники и разработчики. Американцы опустили сначала до 23%, а затем до 21,5% ((20 + 23): 2 = 21,5). С этой величиной не согласились мы. С тем и улетели.

На обратном пути в Москву А. А. Бессмертных, принимавший ранее участие в переговорах такого типа, сказал, что ему никогда не приходилось вести столь напряженных по накалу, высокодинамичных, требующих немедленного принятия решений переговоров, как те, что были в Вашингтоне.

Сразу же по прибытию в Москву приступили к рассмотрению вопроса о 21,5-процентном увеличении забрасываемого веса. К моменту вылета М. С. Горбачева в Лондон 16 июня решение принято не было. К вечеру была срочно созвана *большая пятерка* Л. Н. Зайкова с приглашением разработчиков новой МБР. После длительных дискуссий было принято решение согласиться с последним предложением американской стороны, о чем своевременно был уведомлен М. С. Горбачев, до его встречи с Дж. Бушем. Как известно, ракета *Тополь-М* (модификация *Тополь*) не разрабатывалась как МБР с разделяющейся головной частью индивидуального наведения, к тому же увеличение забрасываемого веса (для установки нового комплекса средств преодоления ПРО) по сравнению с МБР *Тополь* не превышает пресловутых 21,5%.

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПОДГОТОВКИ ДОГОВОРА СНВ-1

Через несколько дней после согласования вопросов на самом высоком уровне для усиления нашей делегации в Женеве до конца переговоров были направлены заместитель министра иностранных дел А. А. Обухов, начальник ДПУ ГШ ВС СССР генерал Ф. И. Ладыгин, ответственные представители ЦК КПСС, КГБ, Военно-про-

мышленной комиссии. В американскую делегацию также периодически прибывали высокие представители из Вашингтона.

Прибывшие из Москвы и Вашингтона оказали делегациям помощь в уяснении сути достигнутых в Вашингтоне договоренностей и непосредственно в ведении переговоров с другой стороной.

В Женеве встречи делегаций проходили ежедневно по 2–4 раза. На заседаниях, проводившихся попеременно в представительствах СССР и США, окончательно согласовывались выносившиеся вопросы, которые выделявшимися членами обеих делегаций доводились до договорного текста, что в последующем рассматривалось и утверждалось делегациями.

Члены советской делегации и прибывшие из Москвы представители соответствующих ведомств работали весьма напряженно и результативно. Особенно это относится к А. А. Обухову, главе делегации Ю. Н. Назаркину и главе военной части делегации В. С. Колтунову.

В конце июля 1991 г. главы делегаций парафировали Договор СНВ и убыли в столицы своих стран.

Подписанием 31 июля 1991 г. в Москве М. С. Горбачевым и Дж. Бушем договора завершились длительные многотрудные советско-американские переговоры.

Договор СНВ-1, срок действия которого истек в декабре 2009 г., несмотря на все имеющиеся в нем недостатки, существенно снизил стратегические ядерные потенциалы двух сверхдержав и послужил основой для последующих сокращений ядерных вооружений. 📄

Примечания

¹ По правилам засчета на 31 июля 1991 г.

² В пражском российско-американском Договоре о СНВ 2010 г. таких ограничений нет: каждая сторона свободна сама определять, на носителях какого класса и в каких количествах размещать установленные Договором 1550 БГ СНВ.

³ Судя по содержанию пражского Договора о СНВ 2010 г., ТБ В-1В продолжает оставаться в качестве системы доставки обычного оружия.

⁴ Один из критиков СНВ — «полковник-ракетчик», доктор технических наук — этому комплексу, считающемуся многими одним из достижений отечественного ракетостроения, дает крайне негативную оценку («все идет не в ногу, кроме меня»).